

ЧТО СНИТСЯ ГЕНЕРАЛУ ХОЙЗИНГЕРУ

Ю. Данов

ЧТО СНИТСЯ ГЕНЕРАЛУ ХОЙЗИНГЕРУ

Государственное издательство политической литературы
Москва • 1962

32И
Д17

Генерал Адольф Хойзингер очень «ценная» для нынешних хозяев Западной Германии личность. Именно Хойзингер в свое время принимал активное участие в создании плана вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, планов захвата многих европейских стран. Хойзингер — автор ряда специальных инструкций по истреблению жителей временно оккупированных тогда гитлеровцами земель и приказов о массовых расстрелах. Сейчас этот преступник занимает один из высших постов в НАТО — агрессивном блоке западных держав. Свой пост он использует для проталкивания боннских военно-политических идей и планов в высших сферах Вашингтона.

Правительство СССР в своей ноте правительству Соединенных Штатов Америки от 12 декабря 1961 года потребовало выдачи советским властям этого гитлеровца, который находится на территории США, для предания суду за совершенные им преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Хойзингер тем более опасный преступник, что сейчас по поручению американских и западногерманских милитаристов он занят составлением планов новых агрессий. Сладкие сны Хойзингера и его фашистских единомышленников о мировом господстве вновь туманят им головы.

Предлагаемый вниманию читателей памфлет советского журналиста-международника Ю. Данова показывает истинный облик этого палача в генеральском мундире.

В огромном здании военного министерства Соединенных Штатов — Пентагоне кабинет американского военного министра расположен неподалеку от кабинета председателя постоянного военного комитета НАТО. Таким образом, ни господину Роберту Макнамаре, ни генералу Адольфу Хойзингеру, если им вдруг вздумается побеседовать, не нужно далеко ходить. И неизвестно, кто из них согласно официальной атлантической иерархии должен чаще обращаться к другому — хозяин ли пятиугольного здания или его постоянный западногерманский гость. Впрочем, судя по всему, чаще это делает Хойзингер: по свидетельству обозревательницы «Нью-Йорк геральд трибюн» Маргариты Хиггинс, он — весьма достойный, скромный человек.

Более полную характеристику дает генералу Хойзингеру газета «Нью-Йорк таймс», называя его солдатом, который в гитлеровские времена «прекрасно выполнял свое дело, умел держать язык за зубами и осуществлял приказы босса».

Тогда боссом для Хойзингера был, как известно, его тезка Адольф Гитлер. Сейчас у него другой босс — американский империализм.

Кстати говоря, нет ничего удивительного в том, что родителям нынешнего натовского генерала Хойзингера когда-то пришло в голову назвать своего отпрыска распространеннейшим в Германии именем Адольф. Много позже, в соответствии с повальной склонностью к суевериям, царившей в гитлеровской Германии, молодой полковник, первый офицер оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск сумел оценить провидение, внушившее родителям

мысль дать ему это имя. Адольф Шикльгрубер-Гитлер сам был достаточно суеверен. Он сразу же обратил благосклонное внимание на своего исполнительного и усердного тезку и остался верен этой симпатии до конца.

Было, впрочем, время, когда Хойзингер должен был проклинать свою судьбу, неисповедимые пути которой столь трагически пересеклись с судьбой бывшего ефрейтора и неудачливого живописца, кровавого диктатора Гитлера. Но сознание этого наступило, по всей вероятности, не раньше, чем по приговору Нюрнбергского суда были повешены главные военные преступники, и уже во всяком случае не раньше, чем Адольф Гитлер покончил с собой в бункере-крысоловке под рейхсканцелярией. Однако Хойзингеру удалось избежать горькой участи бесноватого фюрера, миновала его и чаша, которую испили те коллеги генерала по нацистской партии и вермахту, кого судили уже после Нюрнберга в различных странах. И Адольф Хойзингер снова поверил в свою счастливую звезду. Возможно, его перестало пугать имя Адольф, сделавшееся на некоторое время у суеверных сынов тысячелетнего рейха одиозным. Возможно, он стал верить, что это, недавно казавшееся страшным, имя способно, словно талисман, хранить его дальнейшую судьбу... Но вновь родившаяся уверенность окрепла опять-таки не раньше, чем протекли три года, которые бывший начальник оперативного отдела генерального штаба провел, так сказать, «в гостях» у янки, правда, пока что в качестве военнопленного.

Мы уже говорили, что кабинет Адольфа Хойзингера находится в Пентагоне рядом с кабинетом Роберта Макнамары. Красный телефонный аппарат, связывающий военного министра с президентом и командным пунктом всей американской военной машины, тот самый телефон, по которому оперативное управление генштаба американской армии рассчитывает дать сигнал к началу новой мировой войны, находится совсем близко от кабинета Адольфа Хойзин-

гера... Не правда ли, восхитительная перспектива — когда-нибудь, когда, по выражению канцлера Аденауэра, для Западной Германии «пробьет исторический час», поднять ярко-красную трубку этого или подобного аппарата и сказать только одно короткое слово?.. Да, у янки есть чему поучиться: забавная выдумка, этот красный телефонный аппарат!

Хойзингер хорошо знает, насколько близко от него находится эта страшная игрушка американских генералов. Ход событий, поднявших его, представителя западногерманских военных кругов, на верхнюю ступеньку атлантической командной лестницы, по глубокому убеждению генерала, совершенно закономерен. Хойзингер понимает, что, если не он, был бы кто-нибудь другой. Что же касается именно его личной удачи, широкой публике генерал скромно дает понять, что это — признание талантов стратега. Но для тех, кто понимает толк в таких вещах, в объяснениях содержится существенное дополнение. «У меня в Америке,— заявил он как-то в кругу своих близких,— оказалось неожиданно много друзей».

Генерал Хойзингер мечтательно прикрывает глаза. С репутацией одного из способнейших современных военных стратегов, выданной ему американскими пропагандистскими органами, с репутацией исполнительного служаки, который без лишних размышлений привык выполнять приказы босса, наконец, с репутацией завзятого нациста, он рассчитывал на самый теплый прием в Вашингтоне. И не ошибся!

В Америке у него оказалось действительно много друзей, начиная от фашиста Роберта Уэлча и кончая господином Робертом Макнамарой. Идейные друзья, говорят, друзья самые надежные.

...Генерал закрывает глаза, откидывается на спинку удобного американского кресла и предается своим мечтам. Ах, какие это мечты! Самому Гитлеру едва ли виделось такое, хотя именно Гитлер в последний период только и думал о том, чтобы перессорить Запад и большевиков, столкнуть их в смертельной схватке. Тогда, рассуждал фюрер, рейх

воспользуется обстановкой и придушит обессилевших противников. Хойзингер радуется, что это для него уже не просто мечта, что это, по его мнению, исполняющаяся мечта. Не без участия Хойзингера и его боннских единомышленников обстановка в мире стала ныне горячей, чем могла быть. И когда она накалится настолько, что для Западной Германии «пробьет исторический час», грезит Хойзингер, он, возможно, подойдет к заветному телефонному аппарату...

ОКАЗЫВАЕТСЯ, УКРАИНА ПАХНЕТ НЕ МЕДОМ

Мечтания генерала словно морская волна. Они убаюкивают, уносят далеко, далеко, туда, где кончаются грезы, в которых действительное мало-помалу вытесняется желаемым и начинаются бредовые сны...

Причем закономерная особенность — в этих снах настоящего совсем нет, а вымышленное стратегом будущее и, к некоторому беспокойству генерала, прошлое участвуют в пропорции, как говорят американцы, фифти — фифти, то есть 50 на 50.

Что же снится Адольфу Хойзингеру? Чаще всего фюрер в лучшие дни. Например, когда он дал указание генерал-фельдмаршалу Кейтелю, чтобы тот распорядился назначить на ежедневные доклады только его, Хойзингера. «Я могу сказать вам,— заявил диктатор тысячелетнего рейха этой дубине Кейтелю,— что я с трудом переношу доклады Гальдера. Но вот Хойзингер,— подчеркнул фюрер,— это совсем другая личность. Было бы лучше, если бы мне докладывал Хойзингер».

Ах эта скверная собака Гальдер! Как скривилась его надменная физиономия, когда ему намекнули, что Гитлер не желает из его уст слушать доклады о положении на фронтах! А какую он скорчил рожу, узнав, кого избрал фюрер: Хойзингер, как никто, умел угадывать желания своего шефа, умел докладывать

так, как частенько хотелось того Гитлеру, а главное, не задавал лишних вопросов. О, это умение не задавать сильным мира сего лишних вопросов! Некоторые болваны иногда в приступе телячьего восторга от близости к начальству спрашивают о том, о чем лучше помолчать... Сколь многие из его знакомых генералов поплатились именно за это свое необдуманное подхалимство, которое было принято мнительным шефом за нездоровое любопытство! Хойзингер уверенно избежал этой ошибки и весьма продолжительное время находился при своем фюрере... В сущности, он был необходим ему до самого последнего дня... Не за эти ли качества, за скромность и преданность, как писала госпожа Маргарита Хиггинс, его ценят и здесь, в Пентагоне?..

А еще что снится Хойзингеру? Как и во всяких сновидениях, это настоящий калейдоскоп. Сначала фюрер, затем вдруг пальцы, стиснутые на человеческом горле... Фюрер в свое время сказал, что Германия сомкнет пальцы на горле дядюшки Джона Буля. Хойзингер хорошо помнит это мгновенье. Гитлер знакомился с планом операции нападения на Англию, известной под кодовым названием «Морской лев», и восхищался ее тщательной разработкой. Все было предусмотрено до мелочей, вплоть до того, что заранее отпечатали первый приказ, обращенный к английскому населению. В нем, помнится, чаще всего встречались слова: «будут караться». Как много ночей корпел Хойзингер над выкладками специалистов всех родов войск, над донесениями агентурной сети, над всевозможными соображениями опытных генералов, а главное, над географической картой южных подступов к Британским островам. Хотя появившимся замыслам, к величайшему разочарованию педантичного стратега, и не суждено было сбыться, в сны генерала прочно вошел образ пальцев, сжимающих человеческое горло — горло мистера Джона Буля. И кто знает, как скоро наступит «исторический час», когда эти пальцы снова сомкнутся на горле старой жертвы, там, где пульсирует ее жизнь?..

Бывает, что Хойзингер ощущает во сне вкус французского коньяка. Того самого, который он пил в Париже в 1940 году, после разгрома Франции. Великолепный коньяк. Особенно в рождественский вечер. Кстати, не в тот ли вечер пришла ему в голову мысль назвать маленький стратегический «эссэ», разработанный по личному указанию Гитлера, мелодичным словечком «Танненбаум», что значит «елка», рождественская елочка... Фюрер, хотя в прошлом и бездарный живописец, обладал, как считали его придворные биографы, артистической натурой, некоторым художественным вкусом и сумел оценить изящество этого названия... Там шла речь о захвате Швейцарии, страны, в горах которой растет очень много елочек. Да, хорошие идеи приходят иногда под хороший коньяк! Что же касается швейцарцев, какое Хойзингеру дело, что́ принес бы им план операции «Танненбаум»? Ну, скажем, в Европе стало бы несколько меньше народу, что для этого континента явно небесполезно, так как он до крайности перенаселен. Стало же меньше поляков, англичан, французов, чехов, венгров, датчан и всех прочих; ничего не случилось бы, если бы то же самое произошло со швейцарцами. О Танненбаум, Танненбаум!..

Да, те годы, по мнению Хойзингера, были поистине прекрасны, годы грандиозных планов, годы великолепной работы, когда у молодого начальника оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск вермахта было столько душевных и физических сил. Он был хорошо информирован о военном положении и трудился не за страх, а за совесть, хотя сейчас и пытается доказать, что его «действия шли вразрез с его взглядами». Но слова — одно, а практические дела — другое, поэтому Хойзингер никогда не сознается в своих сокровенных думах.

Разве не поэтическое воспоминание — операция «Марита», по захвату Югославии? Правда, конечная цель плана — свастика над Истанбулом — так и не достигнута, но, впрочем, в этом не было необходимости, поскольку турки и без того прислушивались к

фюреру, пропуская без помех подводные лодки в Черное море и поставляя важное сырье. Правда, в самой Югославии все шло не так просто, как это задумали в генеральном штабе. Там развернулось мощное партизанское движение, и Хойзингеру неожиданно пришлось заниматься этой новой проблемой. Но это уже другой разговор. Что же касается операции «Марита»... Чувство гордости от сознания своей военной талантливости наполняет натовского генерала.

Вот только одна мысль не дает ему покоя. Почему не удалась операция похода на Восток — гордость генерального штаба вермахта, а значит, и гордость Хойзингера, по существу самый значительный его труд, «план Барбаросса»?..

Насколько он великолепен, можно было судить по дикой зависти многих генералов, его коллег и даже начальников... Хойзингер вспоминает полные свирепой желчи взгляды, фальшиво звучавшие поздравления... И началась эта операция весьма, как говаривал доктор Геббельс, успешно. А потом... Хойзингеру снится Москва. Почему фашистские войска с их мощной техникой, с их проверенными в Европе боевыми качествами вдруг отказали под Москвой? И даже во сне Хойзингер понимает, что генерал Зима, на которого ссылался доктор Геббельс, тут ни при чем. Что же является причиной?..

Этого, строго говоря, не мог понять сам фюрер. Не нашли ответа и многие гитлеровские военачальники, с авторитетом которых генерал Хойзингер не решается спорить. Но он, все-таки, кажется, подвигается к разгадке... Гениальный «план Барбаросса» был искажен неловкими исполнителями. И прежде всего искажен дух плана: ведь недаром он назывался по имени необыкновенно жестокого императора, кровью и железом покорявшего соседние народы, одного из активнейших крестоносцев средневековья. С этими русскими, думает Хойзингер, недостаточно жестоко обошлись: там, где надо было истребить тысячу человек, убивали девятьсот девяносто, и эта

в некотором роде мягкость не замедлила сказаться... Но себя в мягкости генерал упрекнуть не может: он сам составлял инструкции, как обращаться с партизанами и даже их семьями, просто с людьми, которые подозревались в сочувствии к Советской власти. Но, может быть, и этого мало? Надо было еще жестче, думает генерал, еще жестче, ибо мы тогда не понимали, что в России все люди не просто сочувствуют Советской власти, но и активно поддерживают ее, готовы отдать за нее все, включая самое дорогое — жизнь.

Хойзингеру снятся приказы и инструкции. Они плотной тучей окружают его, шуршат у изголовья, и этот шелест грохотом выстрелов отдается в ушах. Так гремели очереди эсэсовцев, которые расстреляли сто жителей станции Славное, не пощадив согласно его, Хойзингера, приказу ни женщин, ни детей, ни стариков... Так грохотали бесчисленные выстрелы фашистских карателей в степях Украины, на холмах Западной России, в Белоруссии, на Кавказе... «Мы были недостаточно жестоки,— продолжает думать генерал,— надо было стрелять, а еще лучше — вешать, вешать и вешать...» «Вешать» — характерное словечко из составленных им инструкций.

Эти приятные, а главное, деловые сны, ибо даже во сне Хойзингер постигает и осмысливает приобретенный опыт, перемежаются кошмарами. «Украина пахнет не медом»,— вспоминает генерал. Кровь и гарь, дорожная пыль, ледяные осенние ветры и гул пролетающих над головой снарядов русской артиллерии, когда приходится, невзирая на генеральский чин, носом зарываться в землю,— такой осталась Украина в его памяти. Нет, Украина пахнет не медом, не салом, не борщом — она пахнет страхом, который Хойзингер имел возможность испытать, когда русские разведчики ворвались в село, где генерал задержался во время отступления. Он надеялся, скажем откровенно, хотя бы на кратковременный отдых и на прославленный украинский борщ. Но в тот вечер не удалось поесть даже немецких солдатских

консервов — так поспешно пришлось удирать из села. Советские пули миновали тогда фашистского стратега, ему светила счастливая звезда, и теперь он может благополучно пребывать в роскошном, дарованном американцами кабинете.

Но временами генерала вновь охватывает чувство пережитого однажды страха. Это бывает обычно среди ночи. Проснувшись, стратег наливается злобой и свирепо кричит, так, что пугаются домашние: «Танки, вперед!» Танки — идея-фикс генерала.

Стальные чудовища с крестами на бортах давили людей на бесконечных дорогах войны. На танки гитлеровское командование надеялось как на средство, способное определить многие неизвестные великой битвы в России. Одной из основных концепций гитлеровского генерального штаба были броски танковых армий. Такое чисто стратегическое применение танков Хойзингеру казалось недостаточным, он с удовольствием приспособил бы их для уничтожения людей, для разрушения их жилищ. Пришло же ему в голову использовать газ ацетилен в Керченских каменоломнях, где укрылась от фашистских карателей большая группа жителей города!.. Хойзингер с удовольствием вспоминает, что придуманные им способы истребления людей всегда приносили желаемые результаты. Он не уверен, что эта жестокость вызвана страхом. Нет, это не только плата за страх... Если говорить прямо, ему следовало бы работать не в органах стратегического планирования, а в частях СС или в гестапо. Вот его истинное призвание.

Палача посещают сны, содержание которых напугало бы и великого фантаста ужасов Эрнста-Теодора-Амадея Гофмана, так отвратительны и бесчеловечны их образы. Хойзингер вспоминает, как он предложил фюреру создать специальные команды для охоты на партизан и тех, кто помогал им в борьбе. Даже по мнению самого генерала, это была отличная выдумка! Да, он, Хойзингер, сделал все, чтобы добиться победы рейха, умножить славу и дни обо-

жаемого фюрера. Так думает генерал, хотя вслух не особенно любит говорить об этом.

«Моим личным мнением,— писал Хойзингер в показаниях, оглашенных на Нюрнбергском процессе,— всегда было то, что обращение с гражданским населением и методы ведения антипартизанской войны в районах операций, одобренные высшими военными и политическими руководителями, отвечали требованиям проведения в жизнь планов систематического уничтожения славянства и еврейства».

За внешней объективностью этого показания скрывается свирепая физиономия человеконенавистника, который, вероятно, с той же миной объективности и сдержанности разрабатывал инструкции для эсэсовских охотников за людьми. Хойзингер бесстрастно заявляет, что все, дескать, было одобрено «высшими военными и политическими руководителями», и тем самым будто снимает с себя вину. Но кто поверит, что такие инструкции можно составлять не добровольно, по принуждению?.. Нет, одобрение фашистского руководства одобрением, а автор инструкций по истреблению людей остается автором. И это не кто иной, как один из главных создателей плана истребительной войны против Советского Союза — генерал Адольф Хойзингер. «Барбаросса» — план вероломного внезапного нападения, предательского удара, план явно бандитский... И не секрет, что одним из важнейших его тактических элементов был элемент устрашения населения противника с помощью жесточайших репрессий, а стратегической целью — захват огромной страны и истребление десятков миллионов русских, украинцев, белорусов, людей других национальностей...

СЕНТИМЕНТЫ и ТРИДЦАТЬ СРЕБРЕНИКОВ

Хойзингеру вспоминается, что один из служащих оперативного управления, читая отчет о расстреле ста жителей станции Славное, который был проведен

по приказу генерала, спросил у своего коллеги: «Слушай, Ганс, есть ли у нашего шефа, герра Хойзингера, дети?..»

Коллега поспешил донести об этом разговоре генералу, и тот распорядился отчислить слишком любопытного писаришку в действующую армию, прямехонько на Восточный фронт. При этом Хойзингер приказал написать на документах «провинившегося» только одно слово — «неблагонадежный», что, как генерал знал, решило судьбу детолюбивого солдата... Хойзингер считал, что в гитлеровском генеральном штабе и его отделе сентименты совершенно ни к чему.

Вопрос о сентиментах генерал Хойзингер для себя решил в тот самый момент, когда господин министр культуры рейха Йост (эти слова повторили господин имперский министр пропаганды доктор Геббельс и еще более, с точки зрения фашистов, импозантная фигура, старый прусский аристократ Герман Геринг) заявил во всеуслышание: когда, мол, мне говорят слово «культура» или еще что-нибудь в этом роде, я хватаюсь за пистолет. Культура, мораль, сентименты — не все ли равно?

По правде говоря, простая мысль о том, что культура, мораль, человечность несовместимы с фашизмом, пришла Хойзингеру значительно раньше, чем Йосту. Тогда подобные идеи свободно носились в воздухе рейха и некоторые немцы не стыдились выражать их вслух. Вся коричневая гитлеровская свора старательно исповедовала этот фашистский символ веры и, не задумываясь, творила черные дела... В этом смысле Хойзингер не боится высоко держать голову, не он один. И однажды в телевизионном интервью западногерманскому журналисту в Вашингтоне Хойзингер, говоря о 1933 годе в Германии, выдавил фразу, что, мол, эти события «захлестнули» его.

Но были вещи, о которых даже про себя генерал вспоминает с явной неохотой. В частности, о знаменитом деле 20 июля, так называемом генеральском

путче 1944 года. У этих генералов хватило смелости мечтать о свержении фюрера. Они хотели без него окончить войну, заключив сепаратный мир с западными державами. Он, Хойзингер, тогда еще не смог по-настоящему оценить «дальновидности» участников этого путча. Впрочем, он не стоял в стороне, он даже был посвящен в их планы, подобно нынешнему командующему сухопутными войсками НАТО в Европе Шпейделю, а потом... Нет, об этом генерал не любит вспоминать...

Сейчас кое-кто из вездесущих писак утверждает, что это он, Хойзингер, выдал гестапо генерал-майора Штифа, который передал полковнику Штауффенбергу портфель с адской машиной для убийства Гитлера. Кто знает, кто знает?.. Тогда еще говорили, что сам фюрер придумал для этих мальбруков особую казнь — вздернуть всех за подбородки на специальные крюки, вделанные в стену камеры пыток. Как, наверное, тяжко было господам заговорщикам умирать!.. Впрочем, Хойзингер не питал ни к одному из них никакой неприязни, скорее наоборот, среди казненных было много лиц, которых он очень близко знал. Хойзингер вспоминает, как черные гиммлеровские псы добрались и до него: ведь он тоже был связан с путчистами!? Сам он теперь повсюду твердит, что «сидел в застенках СС». А точнее?

Человек, приставленный к Хойзингеру в тайном укрытии гестапо и теперь живущий в городе Людвигслусте в ГДР, дал совершенно точные сведения об этом периоде жизни Хойзингера. Имя этого человека Максимилиан Хонневальд. Хойзингер хорошо помнит Максимилиана, который приносил ему обеды из офицерской кухни СС и убирал из комнаты мусор, в том числе изорванные в клочья черновики. Да, генерал в «застенках СС» писал специальное письмо Гитлеру. Да, он назвал имена некоторых своих коллег, связанных с путчем, за что Гитлер лично выразил ему благодарность. Максимилиан Хонневальд рассказывал также, что Гиммлер, Кальтенбруннер и гауляйтер Хильденбранд навещали Адольфа Хойзингера и

вели с ним продолжительные беседы. В отличие от других заключенных генералов, которые находились под строгой охраной, Хойзингер мог свободно расхаживать в расположении этой эсэсовской части. Обычно он совершал прогулки вместе с комендантом — оберфюрером СС Трумлером. Отметим попутно, что «застенки», как уточнил Максимилиан Хонневальд,— это комната в санитарной части СС. Итак, Хойзингеру, видимо, приснилось, что он «сидел в застенках СС».

Заговорщики были казнены, а Хойзингера, естественно, оставили в живых и даже реабилитировали. Гитлер вызвал его к себе, с глубокой грустью пожал ему руку и, как писал маленький Адольф в своих мемуарах, «очень сожалел», что «любимого и верного» генерала «впутали в следствие»... Затем по демонстративному настоянию Гиммлера Хойзингера уволили в отставку. Досужие журналисты утверждают теперь, что таким способом Гиммлер попытался снять с Хойзингера подозрение в предательстве. Конечно, Хойзингер не упомянул об этом в своих мемуарах, не стал рассказывать, почему он соблазнился тридцатью сребрениками, которые от библейских времен считаются наградой за предательство. Жалел ли он о содеянном? Едва ли. Впрочем, однажды такой повод представился.

Это случилось, когда он узнал, что, несмотря на присущую ему скрытность и умение оставаться в тени, его все-таки «заметили». Более того, его имя было внесено союзниками в список военных преступников!.. Особенно тревожными были нюрнбергские дни, которые совпали с пребыванием в американском плену.

Но гроза прошла стороной, хотя чувство неизвестности и смертельной тоски долго еще не покидало Иуду. Он много размышлял, и не только о собственной шкуре. Думал о причинах катастрофы фашистской Германии, о крушении гитлеровских стратегических планов и о том, как жестоко судьба поступила с «великим фюрером», заставив его, словно крысу,

умереть под полом, буквально под полом имперской канцелярии. Думал генерал и о том, что сделал бы, если бы судьба снова поставила его на вершину военной власти... Он очень внимательно присматривался к тому, что в первые послевоенные годы происходило в Западной Германии, и это вселяло в него надежды. Но «пленник» торопил время, ведь, когда окончилась война, ему было уже сорок восемь лет. И время прислало ему помощь в лице Рейнгарда Гелена, которого он хорошо помнил как молодого растущего генерала гитлеровской контрразведки.

Известно, что Гелен окончил войну в чине генерал-лейтенанта. Свой последний чин этот генерал получил из рук самого Гитлера в грозные апрельские дни 1945 года, когда личная ставка фюрера в берлинском подземелье уже сотрясалась под взрывами советских снарядов и бомб. Вероятно, у Гелена были особые заслуги перед Гитлером. Говорили, что он принес фюреру какие-то очень важные сведения, которых тот ждал в последние дни своей жизни... Известно, чего ждал Гитлер — немедленного союза с Западом против русских. И если Гелен... Хойзингер считает, что поддерживать фюрера в последние минуты его жизни, пусть даже ценой обмана,— это была удачная мысль. Прежде всего гуманно, высокогуманно, думает Хойзингер, и, кроме того, выгодно — принесло Гелену помимо внеочередного повышения еще и репутацию весьма ловкого человека.

А может быть, дело не только в репутации? Хойзингер сейчас уже не уверен, не делал ли Гелен свои успокоительные для фюрера пассы с ведома американской секретной службы? Ведь западные державы тогда отчаянно желали того, чтобы немцы подольше удерживали восточную линию фронта.

Он все мог, этот Гелен, недаром его считали восходящей звездой фашистской разведки, достойным заменить, а может быть, и превзойти казненного Гитлером адмирала Канариса в искусстве узнавать тайное. Так вот, тот самый Рейнгард Гелен и пришел словно ангел-избавитель на помощь пленному и,

что греха таить, отчаявшемуся гитлеровскому стратегу.

Нет, еще, оказывается, жив курилка. Как и следовало ожидать, американцам понадобился опыт тех, кто сражался против России. Что же касается жизненного кредо Хойзингера, то генерал, еще находясь в плену, поторопился изложить его в мемуарах. Оно выразилось в звериной ненависти ко всему новому, передовому, светлому и чистому, в ненависти к самой жизни. Забыв только что полученный урок, маленький Адольф провозглашал свое намерение снова попытаться «уничтожить коммунизм»...

Тогда его заметки еще не были опубликованы, а только писались, но Хойзингер, который отлично знал, что за ним в лагере военнопленных велась тщательная слежка, не упускал случая оставить их, словно невзначай, на видном месте в отведенной ему комнате. И когда к янки обратился Рейнгард Гелен, человек весьма заслуженный в их глазах, потому что именно он предложил американской разведке списки фашистской резидентуры в странах Восточной Европы, и рекомендовал им использовать знания и опыт генерала Хойзингера, те охотно послушались доброго совета и поручили Хойзингеру заняться обобщением своего опыта...

В руках у старого служаки снова было дело, и он был счастлив. Правда, его имя все еще числилось в американских списках военных преступников. Но, как сказал один из дальновидных друзей генерала, американцы составляли их, чтобы впоследствии подобрать внесенным в реестр «специалистам» подходящую «работу». И Хойзингер усердно трудится в американо-западногерманской разведывательной службе, возглавляемой более ловким человеком, чем он сам, генералом Геленом, и питает твердую веру в то, что это не конец, а только начало...

Тем более что к этому времени на карте Западной Европы появилось государство — часть расколотой Западом побежденной Германии,— в котором едино-

мышленники и коллеги Хойзингера по гитлеровской партии и вермахту получили ключевые правительственные посты.

НЕ УГОДНО ЛИ ЛУЧШЕГО ФРАНЦУЗСКОГО КОНЬЯКА?

Время и приобретенный опыт не отучили Хойзингера, как и подобных ему, рассматривать действительность сквозь призму своих несбыточных снов о мировом господстве германских монополий. Однако генерал понимает, что новые стратегические концепции и планы западногерманского милитаризма нельзя просто списать со старых, им же самим составленных. Не то, не то теперь время.

В Европе и в мире умножились силы, противостоящие милитаризму. Свыше миллиарда человек подняли знамена свободы, мира и социализма. Одной из составных частей этого могучего лагеря является Германская Демократическая Республика — первое в истории немецкое государство рабочих и крестьян. Силы социалистического лагеря столь велики, что весь империалистический мир во главе с Соединенными Штатами не может противопоставить им равноценную мощь... Где же путь, который позволит изменить соотношение сил в пользу германского милитаризма?

Хойзингер считает, что ответ на этот вопрос уже найден. Того же мнения придерживаются и многие другие боннские политические и военные деятели. ФРГ должна, мыслят они, оперевшись на американский империализм, стать «первой скрипкой» в Западной Европе.

Стремление изменить соотношение сил в пользу западногерманского милитаризма определяет и отношение Бонна к НАТО: проникновение в Североатлантический блок, захват ключевых, а по возможности, и большинства других постов, получение через эту агрессивную организацию ядерного оружия,

а также установление теснейших связей с правящими и военными кругами Соединенных Штатов, чтобы оказывать прямое влияние на внешнеполитический курс этой страны.

А затем то, к чему призывал Гитлер,— «новый порядок» на Западе Европы. Где кнут, где пряник, где принцип «разделяй и властвуй!» — не мытьем, так катаньем боннские политиканы мечтают взять реванш на Западе, установить пресловутый «новый порядок» в Лондоне, Риме, Брюсселе, Париже...

«Мы хотим иметь такую Европу, всю Европу с населением свыше трехсот миллионов человек,— заявил один из главных руководителей ФРГ — Людвиг Эрхард,— в которой мы только и чувствовали бы себя как дома и которая могла бы служить нам духовной, политической и материальной основой для новых стремлений и действий». Другими словами, таким способом правители Бонна надеются создать новый рейх, превратить ФРГ в первоклассную военную державу. А что дальше? Ответ дал господин министр обороны Штраус. Он сказал, что через Париж лежит путь на Восток.

А пока — вооружение, вооружение, вооружение.

Но, по мнению генерала Хойзингера, все это чрезвычайно длинная история. Нельзя ли побыстрее? Уже не только бредовые сны, но сама действительность торопит старого милитариста: скорей, скорей, время уходит, Запад давно проигрывает уже не только в битве идей, но в материальной и военной мощи!..

И появляется вариант, который становится фокусом всей аденауэровской внешней политики последних лет,— так называемая идея «запала». Западной Германии, говорят боннские стратеги, вовсе не обязательно бросать перчатку войны всему миру. Она просто может стать «запалом» всеобщего ядерного конфликта. Есть для этого и условия: мирный договор с Германией, заключения которого давно требуют Советский Союз и другие государства, еще не подписан, а потому в центре Европы царит состояние

неустойчивости, очень удобное для боннских факельщиков. Именно там, в центре Европы, можно поджечь «запал», столкнув в кровавой бойне, как мечтал Гитлер, Восток и Запад. Уцелевшая же после битвы гигантов боннская монополистическая клика поднимет над руинами знамя мирового господства!..

У генерала Хойзингера, которого, кстати говоря, считают автором этого плана, просто дух захватывает! Единственное, правда, что беспокоит стратега, когда от снов он возвращается к действительности,— маленький вопрос: а почему, собственно, Западная Германия должна уцелеть? Возможно ли это в условиях всеобщей ядерной войны?.. Но, как азартный игрок, одержимый жаждой набить себе карманы, он отбрасывает все, что не соответствует его желаниям и может помешать их осуществлению.

Итак, никаких вопросов. Пока на повестке дня западногерманского милитаризма только одно — вооружение.

Этим «плодотворным идеям» Хойзингер обязан столь быстрой военной карьерой в новой армии германских милитаристов и реваншистов — они сделали его наиболее значительным генералом возрожденного под новым названием вермахта. Как и в свое время Гитлер, канцлер Аденауэр пленен ненавязчивым, скромным видом генерала, предлагающего для исполнения блистательно широкие планы... Хойзингер стал генеральным инспектором бундесвера — получил в руки карты, о которых мечтал столь долгое время. Энергично принялся он воссоздавать агрессивную армию германских милитаристов, положив в основу принцип «черного рейхсвера», уже однажды примененный германскими генералами. Вскоре после назначения Хойзингера главой бундесвера повсюду стали говорить о создании в Западной Германии «армии инструкторов», которая в короткие сроки может быть развернута в многомиллионную агрессивную армию.

С первого дня планы возрождения германского милитаризма получили всеобъемлющую поддержку

западных держав. Почему? ФРГ должна стать «стратегическим узловым пунктом военной системы Запада»,— отвечает Хойзингер в ноябре 1957 года в ганзейском клубе Гамбурга. Недаром искусству глобальной политической демагогии он учился не у когонибудь, а у самого Гитлера. Под лозунгом «обороны Западной Европы» все начиналось в тридцатые годы. Западные державы и теперь стали клевать на эту проверенную приманку. Они всегда хотели, чтобы германский милитаризм вел агрессию в восточном направлении. Они запамятовали, что в свое время им самим пришлось спасать свои шкуры от гитлеровской своры.

Альфой и омегой плана милитаризации Западной Германии является оснащение бундесвера ядерным оружием. Теперь не пушки, а бомбы вместо масла. И не вслух, а втихомолку — до тех пор, пока можно будет говорить о западногерманском «экономическом чуде», пока еще будет звенеть в кошельках западногерманского обывателя. Ядерное вооружение — любыми путями, любыми средствами. Так появляется в свет знаменитый меморандум боннских генералов, автор которого, по общему мнению, все тот же Хойзингер. Основное требование меморандума — требование ядерного оружия.

В нем содержится, разумеется, мысль о «тотальной мобилизации духовных, моральных и материальных сил всего народа» для решения «многообразных задач, вытекающих из растущего могущества Федеративной Республики»... В меморандуме говорится о Западе и его обороне, о «мощи западных союзников». Но, по правде сказать, Хойзингер в общем невысокого мнения о своих нынешних, в частности английских, союзниках. Во время посещения Англии в январе 1961 года он смотрел на встречавших его английских офицеров и удивлялся, до чего же у них коротка память! Как могли они забыть силу вермахта, пальцы, стиснутые на горле Британии? Они отлично знают, что он сам готовил план захвата Англии, и тем не менее принимают его с распростертыми

объятиями! За что же уважать этих англичан? И Хойзингер до сих пор горько сожалеет, что лишь военная бездарность тогдашних руководителей вермахта, по его мнению, помешала осуществить план «Морской лев». Нет, операция «Морской лев» еще не закончена. Она продолжается, и поистине безграничная готовность английских политиков предоставлять бундесверу все новые военные базы на английской земле — лучший залог ее успешного завершения. Придет время, и они, эти томми, у него попляшут!..

Хойзингер продолжает энергично строить новую армию — бундесвер. Его торопят канцлер, генералы, а также самые влиятельные люди Бонна — банкир Пфердменгес и ему подобные. Он вступает в теснейший контакт с министром обороны Федеративной Республики Германии Францем-Иозефом Штраусом, которого с легкой руки гамбургского журнала «Дер шпигель» повсюду называют «самым опасным человеком в Европе». По мнению осведомленных и влиятельных людей, Штраус — возможный преемник престарелого канцлера, будущий западногерманский диктатор или что-то в этом роде. Против этого Хойзингер не возражает. Западной Германии нужна «сильная рука». Штраус был, как известно, обер-лейтенантом вермахта. По сравнению с Гитлером, который начинал свою карьеру в чине ефрейтора, это уже явный прогресс, не так ли? Во всяком случае, Хойзингера и его коллег этим не удивишь. Примечательно, что чин четырехзвездного генерала армии боннской республики бывший гитлеровский генерал-лейтенант получает из рук бывшего гитлеровского обер-лейтенанта.

Это высшее звание в новоявленном рейхсвере, и Хойзингера уже не тревожит, что когда-то он значился в американском списке военных преступников. Генерал прошел боннскую «денацификацию», которая состояла в том, что ему предложили ответить на вопрос, не поддерживает ли он больше гитлеризм. Нет, ответил генерал, не поддерживаю. После этого ему выдали документ, нечто вроде индульгенции об отпущении нацистских грехов. Даже Гитлеру не при-

шло бы в голову сказать в тех условиях, что он — за гитлеризм! Теперь же — другое дело, когда снова на вооружение взяты старые нацистские лозунги, старый опыт, старые авторитеты.

Но Хойзингер понимает, что к «великой цели», к которой начали свой новый марш германские милитаристы и реваншисты, нечего и думать дойти прямо! И снова он склоняется над картами, выкладками, схемами и разведывательными данными. Похвалы, которыми боннские правящие круги осыпают Хойзингера, доходят до высоких сфер в Вашингтоне. Личное дело генерала, с точки зрения заокеанских планировщиков будущей войны, безупречно. И вот происходит нечто достойное иронического изумления: американские правящие круги сами вводят реваншиста в «атлантическую крепость», назначают на пост председателя постоянного военного комитета НАТО. Выбор, впрочем, сделан не случайно. Связи с американской военщиной, которые маленький Адольф установил во время своей работы в американо-западногерманской разведке генерала Гелена, сослужили ему хорошую службу. Генерал потирает руки: на ловца, значит, и зверь бежит. Недаром греческая газета «Анексартитос типос» назвала Хойзингера «троянским конем Западной Германии в Вашингтоне».

По пути к новому месту назначения Хойзингер заезжает в Париж. «Не угодно ли лучшего французского коньяка, господин генерал?» — спрашивает его с сильным баварским акцентом отлично вышколенный денщик одного из высших командиров НАТО — генерала Шпейделя. Именно к Шпейделю, с которым у него так много схожего, вплоть до сомнительной роли в генеральском путче, прежде всего захотелось зайти в Париже новоиспеченному натовскому стратегу. Днем спустя, обедая у генерала Норстэда, Хойзингер вновь услышал обращенный к нему тот же вопрос, но на сей раз акцент был американский. А затем его угощали французские офицеры из штаба НАТО.

Да, это уже не сон, а действительность. Реальностью стали и западногерманские военные базы на французской земле. Стоило ли после этого генералу уважать своих западных союзников?..

Несравненно более трудным делом кажется ему восточная проблема. Она ввиду своей невероятной сложности будет решена, как он планирует, по этапам. Первый этап — «военно-политическая акция» ревизии послевоенных германских границ, которому кем-то из высших гражданских чинов Федеративной Республики Германии придано наименование «самоопределения»... Помнится, однако, что это словечко встречалось и в гитлеровском лексиконе... Впрочем, все это досконально продумал и четко изложил в феврале 1960 года военный министр Федеративной Республики Франц-Иозеф Штраус, давая термину «самоопределение» свое толкование.

«Операция должна проходить так же, как в свое время Гитлером проводились аншлюс Австрии и вторжение в Судетскую область,— говорил Штраус.— Нужно молниеносно вторгнуться в ГДР и стать на Одере, прежде чем опомнятся Народная армия и другие войска. В генеральном штабе и в правительственных кругах убеждены в том,— специально подчеркнул Штраус,— что при таком неожиданном нападении весь мир вынужден будет признать подобное решение».

Последняя фраза этой тирады продиктована, несомненно, политическим лицемерием, столь характерным для представителей германского милитаризма. Неужели герры Штраус и Хойзингер надеются, что «мир вынужден будет» согласиться с действиями агрессора?.. Конечно нет. Они знают, что подобное нападение неизбежно вызовет ответные меры и может втянуть человечество во всеобщий ядерный конфликт. Вот она, идея «запала» в ее практической интерпретации! Но пусть помнят в Бонне, что в зажженном их стратегами огне ядерной войны сгорят они сами.

Хойзингер гонит прочь эти страшные для него

мысли. Ведь машина военного планирования запущена на полный вперед. Офицеры корпят над планами, составляются диспозиции, в которых есть и знаменитые слова о том, в каком направлении маршируют первая, вторая, третья колонны. Делается все, как и встарь, как было при кайзере, при Гитлере,— все по форме...

По существу же, господа, все выглядит совершенно иначе! Вы еще во власти прежних снов, и это вам мешает понять, что времена настали не те, что они коренным образом переменились! Что главное содержание, главное направление развития современного общества определяет ныне уже не империализм, а мировая социалистическая система, силы, борющиеся за мир, против империализма.

БЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ — ЭТО ЛИ НУЖНО БРАВОМУ ГЕНЕРАЛУ?

В великолепных строгих апартаментах нового здания НАТО у Порт Дофин в Париже, в его длинных и светлых коридорах никогда не гулял холодный ветер войны, пропитанный запахом гари. Да это и не удивительно: здание построено на одиннадцатом году существования НАТО, совсем недавно. Но в дни декабря 1961 года, когда там заседали министры и генералы пятнадцати натовских стран, собравшиеся на ежегодную итоговую сессию, из парижских далей потянуло этим горьким запахом, и источником его, несомненно, был новый дворец.

Были там Франц-Иозеф Штраус и Ганс Шпейдель. Был там и Адольф Хойзингер. Естественно, эти господа не стали ломать голову над тем, как решить настоятельную проблему нашего времени — вопрос о послевоенном европейском урегулировании. Вместе со своими западными союзниками они занялись совсем другим.

Речь шла об оснащении НАТО ядерным оружием. Бонн не постеснялся раскрыть свои карты. По свидетельству газеты «Франкфуртер альгемейне», Штраус потребовал «права решающего голоса в использовании этого оружия стране, в которой размещена его бо́льшая часть». Штраус тут же и назвал эту страну — Западную Германию. Того же в своих заявлениях требовал Шпейдель. Хойзингер, верный своей манере говорить только с цифрами в руках, выложил на стол расчеты тех преимуществ, которые, по его мнению, принесет Западу ядерное вооружение блока НАТО, то есть боннской республики. Натовские партнеры согласились с генералами. Практические же результаты наметились не сразу, а пять месяцев спустя, на весенней сессии НАТО, которая проходила в столице Греции — Афинах. Правда, «ядерное вооружение НАТО» ограничилось пока что передачей военно-морскому флоту Североатлантического блока пяти американских подводных лодок, вооруженных ракетами «Поларис» с ядерными зарядами, и туманным обещанием Роберта Макнамары поделиться с ФРГ некоторыми сведениями о размещении американского ядерного оружия на западногерманской территории... Это уже кое-что, но еще мало, думает Хойзингер, мало! Он, как известно, очень спешит...

Кстати, незадолго до афинской сессии НАТО группа западногерманских генералов, действуя по его, Хойзингера, наущению, направила через военного министра Штрауса секретный меморандум правительству ФРГ.

Западная печать писала тогда, что Хойзингер и другие генералы обвинили — кого бы вы думали? — самого Аденауэра в том, что он приносит в жертву «честь германской армии, слишком легко соглашаясь на опеку Америки»...

Так вот в чем, оказывается, беда: виноват Аденауэр, он, видите ли, соглашается на опеку Америки. Генералу Хойзингеру будто бы и невдомек, что и Аденауэр, и Штраус, и все боннские заправилы пока еще в зависимости от империалистов США.

Хойзингер хорошо понимал это, когда начинал свою послевоенную карьеру у американцев. Но, говорят, плохое забывается, что же касается аппетита, он приходит во время еды. И сейчас старый милитарист не выдержал — заговорил в меморандуме свойственным ему языком: «честь германской армии», «национальное возрождение в рамках сильной германской родины» и т. д. Опомнитесь, генерал, могут сказать ему в Вашингтоне. Ведь вы сами предлагали то, что нам нужно,— Западную Германию как стартовую площадку ядерных ракет и первую мишень в будущей войне... Опомнитесь и молча делайте свое дело. Только скажут ли?..

В Соединенных Штатах прекрасно знают о милитаристских и реваншистских идеях Бонна. Знают и отдают себе отчет в их чрезвычайно опасной направленности. И вместе с тем, как показала афинская сессия НАТО, не без ведома и согласия правящих кругов США происходит процесс сползания к распространению ядерного оружия среди участников агрессивного Североатлантического блока. И конечно же настойчивее других рвутся к атомному оружию жадные руки боннских реваншистов, их главного стратега Адольфа Хойзингера.

Приличия ради Хойзингер вынужден пока носить белые перчатки, которые скрывают от глаз широкой публики его руки гитлеровского мясника. Руки генерала Хойзингера чертили стрелы бросков гитлеровских армий на карте нашей страны, на картах других стран. Руки генерала Адольфа Хойзингера подносили Адольфу Гитлеру на подпись всякие распоряжения о совершении бесчисленных преступлений на землях оккупированных стран. Наконец, эти руки писали инструкции о том, как, кого, в каком числе надо убивать. И какие перчатки ни одевай, как часто ни меняй их, а руки палача все равно останутся руками палача, замаранными человеческой кровью. Не белые перчатки, а пара стальных наручников — вот что нужно главному стратегу агрессивного блока НАТО, гитлеровскому военному преступнику Адольфу Хойзингеру.

Вы уже слышали елейные речи в его защиту из уст правителей Запада. Вы, вероятно, услышите их еще, и не раз. Ведь ворон ворону глаз не выклюет! Фашисты из «Общества Джона Бёрча» и их идейные собратья не выдадут фашиста Хойзингера в руки правосудия. Им он нужен, он на них работает. Они, как и он, видят захватывающие сны — мир в огне ядерной войны и победный блиц-поход за мировым господством. Пока же, как пишет западная печать, они проводят с помощью НАТО политику так называемого «поэтапного устрашения» Советского Союза.

Что ж, шумите, устрашайте, господа, но не пришлось бы испугаться вам самим! У Советского Союза и других социалистических стран есть все необходимое, чтобы не только встряхнуть как следует безумцев, но вообще стереть их с лица земли, если они осмелятся развязать агрессию.

Проснитесь, господа хойзингеры!

СОДЕРЖАНИЕ

Издательство политической литературы готовит к печати следующие памфлеты о боннских реваншистах и милитаристах:

В. Серов

Когда сорвана маска

Юнкер, офицер кайзеровской армии, агент гитлеровской разведки, организующий убийства видных государственных деятелей, палач французского народа, специалист по тактике «выжженной земли» на советско-германском фронте, один из создателей западногерманского бундесвера и, наконец, главнокомандующий сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе — такова, пишет В. Серов, карьера Ганса Шпейделя, стоящего не в последних рядах боннских реваншистов.

В. Травинский

«Настоящее дело» генерала Фёрча

Советские люди никогда не забудут злодеяний, которые совершили на их территории матерые гитлеровцы в мундирах армейских военачальников, вроде нынешнего главнокомандующего западногерманского бундесвера Фридриха Фёрча. Этот нацистский генерал «отличился» истреблением многих тысяч военнопленных, организацией массовых карательных экспедиций против мирных жителей, варварским разрушением Ленинграда, Новгорода, Пскова и Нарвы, преднамеренным уничтожением ценнейших памятников культуры в Гатчине, Петродворце, Павловске и Пушкине.

Вит. Чернов

Любимец канцлера

Каково подлинное лицо президента Федеральной разведывательной службы ФРГ, бывшего фашистского генерала Рейнгарда Гелена? Почему он, один из руководителей нацистской разведки, пережил своих хозяев — Гитлера и Гиммлера? Что представляет собой аппарат, организованный Геленом на деньги американских и западногерманских монополий? Какое влияние оказывает Гелен на федерального канцлера Аденауэра и боннских министров?

Ответ на эти и другие вопросы, разоблачающие роль шефа западногерманской шпионской службы в подготовке реваншистской войны, можно найти в предлагаемом памфлете.

В. Шрагин

Штраус-«война»

«Один из самых опасных людей в Европе» — так на Западе называют боннского военного министра, обер-милитариста Франца-Иозефа Штрауса. Прямой агент наследников крупнейшего германского концерна «ИГ Фарбениндустри», Штраус активно участвует в перевооружении Западной Германии, добивается установления военного господства ФРГ в НАТО, оснащения бундесвера ядерным оружием. О нацистском прошлом боннского министра и службе в гитлеровском вермахте, о его стремительном восхождении по служебной лестнице, о честолюбивых замыслах, о подручных и покровителях «гремящего ничтожества» рассказывается в памфлете В. Шрагина. Изобличая одного из зловещих деятелей Западной Германии — ярого милитариста и реваншиста, поджигателя войны, автор раскрывает грязную кухню политической жизни Бонна.

Данов Георгий Петрович.

ЧТО СНИТСЯ ГЕНЕРАЛУ ХОЙЗИНГЕРУ.
М., Госполитиздат, 1962.

32 с.

32И

Редактор *Э. Петровская*
Художник *А. Житомирский*
Художественный редактор *Н. Симагин*
Технический редактор *Е. Сербин*
Ответственный корректор *Л. Кованова*

Сдано в набор 1 июня 1962 г.
Подписано в печать 12 июля 1962 г.
Формат 84 × 108 1/32. Физ. печ. л. 1. Условн. печ. л. 1,64.
Учетно-изд. л. 1,49. Тираж 85 тыс. экз. А 07602
Заказ № 3575. Цена 3 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва,
Краснопролетарская, 18.

3 коп.

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1962